

«По улицам мертвые валялись», или Цена Петербурга

Здесь, в рассказе о строителях Петербурга, кажется уместным сказать о той цене, которую заплатила Россия за строительство Петербурга. С давних пор встречаются примерные данные о гибели людей от болезней, голода и непосильных работ при возведении столицы. Речь идет о десятках тысяч трупов, положенных в основание города. Сведения о потерях идут преимущественно от иностранных путешественников и дипломатов, приехавших в Петербург много позже его основания. Так, датский посланник Ю. Юль, живший в городе в 1709—1710 гг., сообщал о Кроншлоте: «Говорят, при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и изнурительных работ более 40 000 крестьян», а при строительстве крепости на Заячьем острове погибло не менее 60 тысяч человек.⁸⁷

Эти сведения подтверждает шведский военнопленный Л. Ю. Эренмалм. Он был в Петербурге в 1710—1712 гг. и потом писал, что только в Петропавловской крепости за 1703—1704 гг. «было погублено свыше 50—60 тысяч человек». Иностраный путешественник Г. Геркенс, побывавший в Петербурге в 1710—1711 гг., упоминает, что при строительстве города погибло «как говорят, даже свыше ста тысяч человек». Во второй редакции записок Геркенса (1718 г.) об этом сказано осторожнее: «...около ста тысяч человек».

Ганноверский резидент Вебер, широко использовавший в своем труде «Преображенная Россия» записки Геркенса, смягчил эту оценку: «...при этом погибло едва ли не сто тысяч человек». Французский путешественник О. де Мотрэ, приехавший в Петербург в 1726 г., писал, что с мая 1703 по конец 1705 г. «от недостатка провизии и пагубного климата умерло не менее 30 тысяч человек». Наконец, в 1733 г. кто-то сказал англичанину Ф. Дешвуду, что при строительстве Петербурга и Кронштадта погибло 300 тысяч человек.⁸⁸

Есть факты и соображения, которые говорят как за, так и против утверждений об огромной смертности работных людей в Петербурге. Совершенно, чтобы при строительстве Кроншлота и первых сооружений

⁸⁵ Пленные шведы в 1721 г. построили подъемный мост у Почтового двора в Петербурге. См.: РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 26в. Л. 894.

⁸⁶ Там же. Оп. 1. Д. 4в. Л. 232.

⁸⁷ Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709—1711 гг.). М., 1900. С. 178, 193.

⁸⁸ Наиболее полную сводку мнений иностранцев о смертности в Петербурге см. в кн.: *Беснятых Ю. Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 73—74.

Кронштадта погибло 40 тысяч человек. Для такого огромного числа людей (ведь не все же умерли!) трудно представить себе даже фронт работ на небольшом пространстве острова, тем более что по-настоящему возведение укреплений на Котлине началось не ранее 1711—1712 гг., когда стали реализовывать упомянутый выше «котлинский проект». Но и тогда указы требовали высылки на Котлин «для строения фортеции и иных строений» сразу не более трех тысяч человек. Это и понятно — больше работных там разместить было негде. К тому же на котлинских укреплениях в 1712 г. находилось 2066 гарнизонных солдат.⁸⁹

То же можно сказать и о Петропавловской крепости. Кажется невероятным, чтобы с весны до осени 1703 г. на ее строительстве погибли 60 тысяч человек. В принципе уморить в России каких-то 60 тысяч работников за короткое время всегда было нетрудно, однако доставить их в Петербург за одно лето было задачей по тем временам невыполнимой. «Ведомости» от 4 октября 1703 г. сообщали, что на работах в крепости занято 20 тысяч землекопов («подкопщиков»),⁹⁰ и эта цифра кажется максимальной, учитывая, что среди них наверняка было много солдат пятитысячного гарнизона будущей крепости. Из письма русского посла в Польше князя Г. Ф. Долгорукого от 27 июня 1703 г. следует, что он рассказывал полякам о последних подвигах Петра I на Балтике с большой долей преувеличения. Он сказал, что русские якобы вывели в Балтийское море 12 фрегатов по 24 пушки на каждом, от чего «в немалом ужасе Стокгольм, неприятельская столица» и что царь «для лутчаго уфортификования того новозавоеванного города (Ниеншанца. — Е.А.) оставил несколько тысяч манеты и 15 000 работных людей и притом добрых инженеров».⁹¹ Весь этот рассказ явно рассчитан на то, чтобы произвести на не особенно надежных союзников из Варшавы должное впечатление: и мифический флот из могучих фрегатов, и ужас Стокгольма, и тысячи «манет» (тогда как на самом деле денег не хватало: чтобы заплатить этим же полякам за участие в войне с Карлом, в это время пришлось ввести особый 10-копеечный налог с каждого двора!). В этом контексте упоминание о 15 000 работников также кажется преувеличением или, скажем, в рамках нашего сюжета, тем числом работных, которое можно признать максимальным.

Вместе с тем отмахнуться от данных, приводимых в мемуарах, нельзя. Считать, что большая смертность на стройке — миф, пустые слухи было бы неверно. А именно так считает автор книги о Петербурге О. Г. Агеева. На основании данных по одной ведомости 1716 г. о строительстве «перспективной дороги», она приходит к выводу, что смертность составила 0,743%, следовательно, всего за 13 лет петербургской стройки здесь умерли 1932 человека или по 150 человек в год.⁹²

⁸⁹ ДПС. Т. 2. Кн. 1. С. 17, 78.

⁹⁰ Ведомости времени Петра Великого. М., 1903. Вып. 1. 1703—1707 гг. С. 82.

⁹¹ ПБП. Т. 2. С. 541.

⁹² Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов на свете...» — Град Святого Петра. СПб., 1999. С. 81–82.

Пример, приведенный Агеевой, кажется особенно неудачным потому, что как раз в 1716 г., когда в городе была уже налажена сравнительно сносная жизнь, А. Д. Меншиков писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову, что среди рабочих, занятых на строительстве Петергофа и Стрельны, «больных зело много и умирают непрестанно, из которых нынешним летом больше тысячи померло». При этом генерал-губернатор сделал специально для Макарова приписку, что об этом царю сообщать необязательно, «понеже чаю, что и так неисправления здешние Его царское величество не по малу утруждают».⁹³ Если гибель целой тысячи людей в течение одного лета только на двух загородных стройках не кажется Меншикову достойной внимания царя, то при каком количестве умерших государя следовало «утруждать»? Словом, выборка Агеевой кажется нерепрезентативной.

Были и другие сведения о смертности строителей в 1710-х гг., когда жизнь в новой столице уже стала немного легче. Историк Петербурга Л. Н. Семенова, тщательно изучившая источники, считала, что с 1712 г. до начала 1720-х гг. из 2682 шведов-военнопленных в Петербурге умерли 1208 человек, то есть почти половина.⁹⁴ Речь между тем идет о трудоспособных мужчинах, которых именно по этому признаку отбирали по всем городам, где содержали военнопленных, для посылки в Петербург.

28 ноября 1717 г., когда до Петра дошли слухи о многих умерших на строительстве Кронштадта, он писал начальнику стройки сенатору М. М. Самарину: «Я слышал, что при гаванной работе посоха (т. е. крестьяне. — Е. А.) так бес призрения, а особливо больные, что по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу, милостыню просят».⁹⁵ То, что не иностранцы-мемуаристы, а отечественные информаторы царя видели валявшихся на улицах мертвецов, говорило о явном неблагополучии на стройке даже в те времена, которые считались не самыми суровыми в истории города. А как известно, Стрельной, Петергофом и Кронштадтом строительство в окрестностях тогдашнего Петербурга не ограничивалось.

Проверить и систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях работных, практически невозможно. У нас есть только отрывочные, краткие данные. Так, в 1704 г. генерал-адмирал Ф. М. Апраксин, сообщая о высокой смертности среди работных, меланхолично писал: «И отчего такой упадок учинился, не можем рассудить».⁹⁶ Причина этой неизвестности кроется, как уже сказано выше, в организации системы учета работных. Ушедшие после окончания работ, выбывшие по разным причинам (кроме побегов — здесь был

⁹³ Луппов С. П. История строительства Петербурга... С. 94.

⁹⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 20. Л. 342; Семенова Л. Н. Участие шведских мастеровых... С. 277.

⁹⁵ АСПБИИ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 85. Д. 228.

⁹⁶ МИРФ. Ч. 3. С. 11.

особый присмотр), в том числе умершие, были уже отработанным материалом и никого в Городовой канцелярии не интересовали. Поэтому их никто и не считал.

Совершенно очевидно, что потери в начальный, самый трудный период строительства города должны быть выше, чем в последующие годы. Неустроенность, голод, болезни делали свое дело. Ульян Сенявин 9 мая 1704 г. сообщал Меншикову о строительстве в Шлиссельбурге канала. Он писал, что из 200 крестьян, присланных на работы (возку камня) из Белоозерского уезда, работают 120 человек, а 60 человек больны. Кроме того, умерли 15 человек.⁹⁷ 19 июля 1704 г. Сенявин сообщал, что в Шлиссельбурге у «каменной ломки» и «кирпичного дела» находятся 1549 рабочих, больных из них 338 человек, то есть примерно 25%. Из присланных тогда же работников уезда Ржевы Володимировой (1525 чел.) умерли 202 человека или 13%.⁹⁸ Из «списка чинов» 30 апреля 1704 г. по гарнизонному полку Романа Брюса, солдаты которого работали на стройке в Петербурге, следует, что из 686 солдат и grenадер больных было 300, то есть 43%!⁹⁹

Проведем свои самые общие, приблизительные расчеты, не претендующие на точность. По мнению С. П. Луппова, несмотря на указы, требовавшие поставлять в Петербург из губерний по 40 тысяч рабочих в год, фактически присылали меньше 20 тысяч человек в год.¹⁰⁰ С этим мнением трудно согласиться. Дело в том, что исследователь ориентируется на сводные данные Городовой канцелярии, которая обычно фиксировала число прибывших и нетчиков на какой-то конкретный момент, а так как люди запаздывали из-за трудности дороги (шли «тупо», т. е. медленно), то число «дошедших» позже уже не отмечалось в общих сводках. А поскольку Канцелярия была очень заинтересована в присылке рабочих, хорошо знала, что такое волокита и русский «авось», то регулярно, порой с «опережением» жаловалась в Сенат на недосылку рабочих. Сенат, в свою очередь, боясь государева гнева, погонял строгими указами губернаторов, комендантов и воевод.

Между тем отчетность при приеме партий рабочих была очень строгой. Из архивных материалов видно, что не следует представлять прибытие рабочих партий как движение каких-то плохо организованных толп. Всех рабочих при отправке из своих уездов вносили в списки с указанием их имен, фамилий, деревень, сел, вотчин, а также фамилий их помещиков. Ответственные за доставку «приводцы» сдавали их в Петербурге подъячим Канцелярии, которые тщательно, поименно по спискам проверяли всех наличных людей, отмечая расхождения: «У приводца самарского дворянина Андрея Подбельского... по списку явилось нетчиков сорок человек») или с указанием всех причин убыли по дороге («написано —

⁹⁷ АСПБии. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 99.

⁹⁸ Там же. Л. 142.

⁹⁹ Там же. Л. 90, 103.

¹⁰⁰ Луппов С. П. История строительства Петербурга... С. 80.

453, с дороги бежали — 20, заболели и отстали — 14, померло — 19, итого в отдаче 400»).

Сохранились и отчеты самих «приводцев»: «А приведец Митрофан Внуков сказал: вышеписанных работных людей двадцати двух человек против списка налицо у него не явилось для того: помянутыя крестьяня двадцать два человека, которых по сему списку налицо не явилось, шли от него особо и отстали назади, а ныне они в Канцелярии городского дела явились, и чтоб Великий государь указал оных работников принять и записать».¹⁰¹ При этом по сохранившимся в архиве делам можно понять, как работал механизм «компенсации потерь». Ответственность за доставку работных несли не только «приводцы», но и воеводы, коменданты уездов и провинций. Сохранились и упомянутые выше гарантийные письма — «поручные записи» деревенских родственников и односельчан работных людей, отправленных в Петербург. Получив сказки «приводчиков», приказные Канцелярии вносили имя каждого не явившегося к сроку работного в особую ведомость, копию которой вместе с указом о пополнении работников затем посылали в уезд.

Получив этот указ и ведомость из Петербурга, местные власти были обязаны восполнить недостачу за счет поручителей. А поскольку все знали, что за исполнением этого дела присматривал сам грозный государь, подходить к высылке работных спустя рукава было невозможно. Словом, согласиться с тем, что из партии в 40 тысяч человек в Петербург приходило меньше половины, никак нельзя. Примечательно, что власти определяли число «нетчиков» и беглецов из работных партий в 5% и «закладывали» эти расчеты при формировании партии. Так, в 1713 г. вместо положенных на Казанскую губернию 7686 человек было предписано выслать 8071 человека, чтобы избежать «принятой» (т. е. обычной) пятипроцентной убыли.¹⁰² Но даже если мы будем считать, что ежегодно в Петербург прибывало 30—35 тысяч работников, то окажется, что за первые 15 лет стройки (т. е. до 1718 г., когда работные партии были заменены денежным налогом с губерний) в Петербурге побывало 450—525 тысяч работных. Это для тогдашней России было очень большой массой людей — ведь мужское население страны в то время не превышало 6 млн. человек.

К тому же в Петербурге постоянно работали солдаты, военнопленные, вольные работники, каторжники. Смертность последних двух групп никто не учитывал. Словом, при такой массе строителей за 15 лет смерть 100 тысяч человек не кажется невероятной.

Для гибели такого числа работных были «созданы все условия»: людей гнали партиями со всей страны за сотни и даже тысячи верст по трудным дорогам, в Петербурге они селились под открытым небом, в шалашах, землянках, пища была скудной, медицинское обслуживание

¹⁰¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 26. Л. 322—624; Д. 1а. Л. 142.

¹⁰² Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга... С. 44.

отсутствовало. Труд же работных был крайне тяжел и изнурителен — в основном это были земляные работы на болотистом грунте, в холодной воде. Почти все работы велись вручную, а масштабы их были грандиозны.

Ни для кого не было секретом, что чиновники, заведовавшие строительством, воровали, для них эти работы были настоящими «серебряными копиями», возможностью сколотить состояние, оправдать свою нелегкую и дорогую жизнь в новопостроенном невском «парадизе». Хотя каждому работному полагалось выдавать деньги, которые были ничтожным вознаграждением за тяжелейший труд, у распорядителей работ всегда была возможность «съекономить» их для себя. Английский инженер Джон Перри вспоминал, что когда он потребовал денег для своих рабочих, то Ф. М. Апраксин ему отвечал, что вместо денег «растут в России батоги (т. е. палки. — Е. А.) и что если они не исполняют требуемых от них работ, то их следует за то бить».¹⁰³ Французский дипломат Лави в 1717 г. писал, что, по словам его знакомых — иностранных инженеров и архитекторов, занятых на строительстве Петербурга, — царь «ежегодно теряет около двух третей людей, употребляемых на эти работы», и указал весьма правдоподобную причину: «А виноваты в том лица, заведующие содержанием этих несчастных, чья жадность, алчность (*avarice*) губит ни в чем не повинных людей».¹⁰⁴

Известны данные и о повальных болезнях, косивших работных. Будущий канцлер Г. И. Головкин в 1703 г. сообщал, что у солдат и рабочих «болезнь одна: понос и цинга».¹⁰⁵ Иначе говоря, этой болезнью могла быть дизентерия, от которой в те, чуждые гигиене, времена люди мерли как мухи.

29 июля 1723 г. Доменико Трезини обратился с весьма выразительной просьбой в Канцелярию от строений. Он писал, что находящиеся в его подчинении каменщики и плотники болеют «разными скорбями и лежат по квартирам... которые от лекарей ни от кого не врачуются». «И того ради, — продолжал Трезини, — вящее (сильнее. — Е. А.) скорби продолжают». Он просит разрешить работным посещать лекаря, приписанного к батальону строительного ведомства.¹⁰⁶ Кроме дизентерии, тифа в XVIII в., как и ныне, в городе с таким тяжелым климатом часто свирепствовал грипп, уносивший немало человеческих жизней. Скорее всего, именно от гриппа умер в апреле 1719 г. наследник Петра I царевич Петр Петрович. И позже эти эпидемии косили петербуржцев. Жившая в Петербурге англичанка Элизабет Джастис писала, что в 1737 г. «случилась какая-то весьма необычайная болезнь. Думаю, что ею переболел каждый в городе, хотя смертельной она оказалась только для младенцев. Они страдали от сильнейших болей в спине, становились совсем холодными и

¹⁰³ Перри Д. Россия при нынешнем царе. М., 1871. С. 167.

¹⁰⁴ РИО. Т. 34. С. 223.

¹⁰⁵ ПБП. Т. 2. С. 625.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 39. Л. 14.

вялыми и за ночь чрезвычайно ослабевали... Недуг был столь силен, что в домах некоторых придворных, а в каждом из них было человек сто, только троим или четверым удалось его избежать. Однако болезнь ни у кого не продолжалась больше недели».¹⁰⁷ По-видимому, речь идет о какой-то форме гриппа, имеющего подчас необычайные проявления и течение. Грипп, как известно, до сих пор нежеланный, но неперенный гость в Петербурге. В 1782 г. француз Пикар писал князю А. Б. Куракину из Петербурга: «У нас была такая нездоровая и сырая зима, что умерло бесчисленное множество людей всех сословий».¹⁰⁸

Среди строителей, живших в землянках и шалашах, подобные болезни были особенно распространены. В инструкции стольнику Вердеревскому о достройке Зотова бастиона (май 1704 г.) особо сказано об изоляции больных: «Которые из тех данных ему рабочих людей будут больные, и тех для отсылки из города (т. е. крепости. — Е. А.) в особые учрежденные им места сказывать коменданту, и отмечать имена в росписях имянно».¹⁰⁹ Заметим при этом, что специально отведенные для больных места «гошпиталем» не назывались.

Отступление

О костях под нашими ногами

Когда читаешь у Н. П. Анциферова, что город «стоит на костях человеческих», не следует считать это поэтическим образом. Действительно, под нашими ногами лежат кости строителей Петербурга. Ф. В. Берхгольц сам видел, как умерших на петербургских стройках закапывают тут же неподалеку. О подобных импровизированных кладбищах писали и другие иностранцы. Смертность работников при строительстве Ладожского канала в 1718—1728 гг. была так велика, что через какое-то время окрестности стройки напоминали кладбище и начальнику стройки Б. Х. Миниху пришлось срочно снести все кресты, чтобы не пугать прибывавших к «канальному делу» новых рабочих людей.

Нужно учитывать и характерное для того времени (да и для других времен русской истории) отношение к человеческой жизни. Г. Б. Бильфингер, профессор философии, ставший академиком Петербургской академии наук, в торжественной речи 1731 г., посвященной Петербургу, коснулся и интересующего нас вопроса. Он сказал о трудностях при возведении новой столицы, о непосильных работах, голоде, холоде, болезнях, косивших ее строителей. «Но работы должны были продолжаться, ибо упустить время значило бы отсрочить предприятие надолго или навеки. Во время войны минуты дороги и не зависят от нашей воли. Поэтому надобно было

¹⁰⁷ Джастис Э. Три года в Петербурге // Беспярых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны... С. 100.

¹⁰⁸ Пикар. Письма к князю Куракину // РС. 1870. Вып. 4. С. 49.

¹⁰⁹ АСПБ. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 110.

смотреть на народ, умирающий над работой, как на людей, убитых неприятелем».¹¹⁰ Мнение петербургского академика вряд ли вызвало бы возражение Петра I, никогда не считавшегося с жертвами во имя великой цели. Известно, что из упомянутых выше 500 тысяч человек — потери русской армии в Северную войну — 80% умерли от болезней!

Захватив устье Невы, Петр будто вцепился в него зубами, он устраивался здесь навсегда, «на вечное житье». Он не жалел для своей мечты ни денег, ни людей. В одном из писем Т. Н. Стрешневу он сравнил людей с зубьями гребня и требовал срочно прислать новых, «понеже при сей школе много учеников умирает, того для не добро голову чесать, когда зубы выломаны из гребня».¹¹¹ Люди были для него лишь материалом, кирпичиками, с ними он никогда не считался, гробя на непосильных работах и на поле боя десятки тысяч человек. Насилие было нормой жизни, пренебрежение к человеку — обычным явлением. Народу же в России было много, испокон веков считалось, что «эти умрут, дык бабы новых нарожают». Зато город рос на человеческих дрожжах быстро, уже через десять лет у него было собственное, непривычное для России лицо.